

Андрей Россет

ПОЛЕ БИТВЫ -
ДУША

Издание второе, дополненное

Художник

Николай Владимирович Юдин

Все картины находятся в частных собраниях.

Р76 Россет А. Поле битвы - душа. Метафизика банального – Москва.: XSPO ООО «Вершины», 2021.

Легко и иронично рассказанные истории из жизни героя на протяжении романа собираются в загадочную метафизическую Мозаику. Таинственные события происходят в России и Эстонии - духовной семинарии и женском монастыре, в Бельгии и во Франции, в Африке и на Сейшельских островах. Но веселье сменяется страхом. Ты считал себя хозяином своей души? У Сатаны другое мнение. Мистическая битва разворачивается на фоне картин современности, и этой битве уже две тысячи лет...

© А. Россет, 2021 © Издательство «XSPO», © ООО «Вершины».

*С любовью моим ушедшим друзьям –
Максиму Крейнину и Николаю Юдину*

ПОСВЯЩАЕТСЯ

«Но есть Один; Он держит все падения с безмерной нежностью в своей руке»

Рильке

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Перед вами, дорогие читатели, истории из моей жизни, где все написанное – совершеннейшая

правда. Эти удивительные события, подчас веселые, подчас страшные, уверяю вас, происходили на самом деле. И сочинять ради сомнительных аплодисментов не лежит, поверьте, душа. Да и нет в этом надобности: моя история – тот случай, когда правда оказывается фантастичнее вымысла.

Хочу предупредить: я не собираюсь – да и не в моих силах – исследовать глубины человеческой психики и мотивы человеческих поступков. Желающих отсылаю к Достоевскому или Фрейдю, и иже с ними. Про коллективное сознательное и ваше бессознательное написаны груды книг. Да и плохо я в этом разбираюсь. Как выяснилось во время семейных скандалов – гораздо хуже своей жены. Поэтому я просто расскажу вам свою историю.

Как говорил Чжуан-цзы: «Я тут вам просто так расскажу, а вы уж просто так послушайте...»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СССР, Ленинград, 1980-е годы.

Не подумайте, что я забыл опохмелиться – я тогда вообще не пил. Раннее летнее утро. Я проснулся и, что для меня не характерно, тут же открыл глаза. Минуя обычную стадию, в которой пытаюсь поймать шлейф ускользающего сна и примиряюсь с тем, что начать новый день можно только открыв глаза. Переход от сна к бодрствованию был непривычно резок. Еще запомнилось: я почему-то не удивился. На фоне большого окна моей старой петербургской квартиры был отчетливо виден силуэт Люцифера. Узнавание пришло сразу, но странным образом в нем не было удивления. Не выше среднего человека, чуть склонив голову с закрученными назад козлиными рогами, он стоял вполборота ко мне, стоял совершенно неподвижно. И хотя через него просвечивали утренним светом оконная рама и двор-колодец за окном, его неподвижность была живой, пусть и не в том смысле, которое вкладываем мы – люди. Потом, вспоминая, я ощутил его ожидание – Люцифер ждал... И почти сразу же, не понимаю почему, глаза мои закрылись и я заснул. Когда проснулся вновь, в комнате никого не было. Я поднялся с кровати, размышляя о том, приснился мне неожиданный гость или нет, и... увидел на простыне чёткий грязный отпечаток раздвоенного козлиного копыта. Я представил, как сатана ставит ногу на мою кровать и, опираясь о колено, склоняется над спящим человеком...

Простынь я отдал в стирку, и не тогда, и не в течение последующих двадцати лет, не очень-то задавался вопросом, что же это было. Событие заняло свою нишу в памяти, и лишь изредка я вспоминал о нём, рассказывая друзьям или знакомым, что называется «к слову» – в беседах о мистике и привидениях. Было мне тогда двадцать лет, после этого происходили и другие удивительные события, но только теперь, спустя многие годы, стало очевидным, что то первое мистическое событие в моей жизни было и первым фрагментом Мозаики странных происшествий, сопровождавших меня на протяжении жизни. Эта загадочная Мозаика на сегодня приняла уже видимые, но еще не законченные очертания. Отчего-то у меня предчувствие, что собрана эта Мозаика будет тогда, когда я поставлю последнюю точку в моей истории, – истории, в которой я собираю таинственные фрагменты удивительной Фрески, острыми осколками рассыпанные по моей памяти. Возможно, это также будет означать мою смерть.

Прошли годы, но тот отпечаток копыта на простыне до сих пор стоит у меня перед глазами...

Я – пленник в гулком пространстве моей памяти, пленник ещё не найденного мною Слова... пленник во сне зачитанного на эшафоте приговора, эхом звучащего во мне, хотя я уже проснулся...

Итак, мне тогда шел двадцать первый год. Умён, красив, талантлив, впереди удивительная, интересная и непременно счастливая жизнь – так мне казалось. То есть, перед вами на булавке, как говорят энтомологи, – «идиот молодой обыкновенный»: самовлюбленный в той степени, когда эпитет «эгоист» лопается, как мыльный пузырь от перенапряжения; глупый, потому что умный; и, наконец, похотливый настолько, что старина Фрейд на том свете наверняка не раз из-за меня вносил коррективы в свою теорию. Это я теперь так о себе том думаю, а тогда... Тогда я был вполне заурядным молодым человеком, у которого только и есть, что шанс стать незаурядным, есть желание, чтобы все любили тебя и тобой восхищались – при неосознанном отсутствии на то оснований, и патологическая лень, которая с годами переросла в чувство комфорта и стала моим «alter ego»¹. Правда, у моей лени есть очень полезное свойство: когда я чем-либо увлечен, неважно, физическая это или умственная деятельность, моя лень удивительным образом перевоплощается в свою прямую противоположность – колоссальную работоспособность. (Наверное, по закону компенсации энергии – «печному» закону сказочного богатыря Ильи Муромца). Но только до тех пор, пока я действительно увлечен процессом. Так что вполне возможно, роман этот я не закончу, он никогда не будет напечатан, и, соответственно, вы его никогда не прочтете. А уж шансов, что по нему будет снят кинофильм, и того меньше. (Когда роман был всё-таки закончен, один человек сказал про него: «Это – Нобелевская премия по литературе». Этим человеком был мой папа. И романа он не читал).

Пожалуй, мне надо попросить тебя, мой читатель, потерпеть несколько страниц бытописания моей непутевой юности. Мне как-то неловко вываливать на тебя ворох мистических приключений, не познакомив с тем, с кем они происходили. Я, собственно, предпочел бы обойтись без этого, но еще никому не удалось собрать Кубик Рубика, не взглянув на него.

К началу моей истории я несколько лет как окончил школу, в институт не поступил, и, усыпив свое ленивое тщеславие тезисом «пока» (то есть «пока не поступил»), болтался по стране, уверяя себя, что набираюсь жизненного опыта, столь необходимого для моего блистательного будущего. Само собой, никакого представления о том, каким должно быть это будущее, я не имел, равно как и о сопутствующем ему опыте. Страна моя Россия тогда называлась СССР, мой родной город Петербург – Ленинградом, до перестройки оставалось еще несколько лет, да и будет ли она, тогда, собственно, никто и не знал.

Родители мои развелись, когда мне было четырнадцать лет, и я с ними тоже развелся, потому как с пятнадцати лет у меня появилась возможность жить одному, в оставленной мне комнате в коммунальной квартире в центре Ленинграда. Так что последние два года школы я жил самостоятельно – отец,

¹ «alter ego» – «второе я» (лат.) (здесь и далее – примечания автора).

служивший военным врачом во Владивостоке, присылал мне ежемесячно по почте деньги «на жизнь», присылал ровно до того дня, когда мне исполнилось шестнадцать, и на этом наши отношения исчерпывались.

Свобода от родителей сыграла со мной в свою собственную игру, и я до сих пор не знаю, кто из нас выиграл. Под надзором «стариков» я хорошо учился, и в перспективе жизнь моя должна была стать сытой и уважаемой, как раньше говорили: «примером для подражания». Влиятельные родственники в Москве ждали окончания мною школы, далее – поступление в уже определенный, «закрытый» (в те годы) элитарный институт, и предопределенная карьера, в которой успех зависит не столько от способностей, сколько от связей; в общем, я был «маменькин сынок», что говорится «на выданье». Да и невесту мне тоже наверняка попытались бы подобрать, есть у клановых семейств такое хобби. Нет, не подумайте, я не против такой жизни... для кого-то. Меня в ней совершенно не устраивает то, что это уже не твоя жизнь. Любое событие обсуждается кланом, одобряется или не одобряется, и жизнь превращается в непрерывный экзамен под «заботливым» всевидящим оком родственников.

Оставшись один и амбициозно перепутав свои желания со своим возможностями, движимый юношеским максимализмом я вышел на перрон из тамбура отправляющегося «поезда благополучия», битком набитого моими родственниками. Но может быть, меня подводит память, я себе льщу, и мне просто не достался на этот «поезд» билет. Иногда с потаённой грустью я возвращаюсь воспоминаниями в свою юность и думаю, а как бы сложилась моя судьба, если бы родители не развелись... Ну да ладно, это уже из области альтернативных Вселенных.

* * *

СССР, Владивосток, начало 1980-х.

Итак, в пятнадцать лет я оказался один на один с самим собой, точнее, с тем, кого за самого себя принимал. За два года оставшиеся до окончания школы я научился: прогуливать уроки, пить с друзьями портвейн, соблазнять девушек, иногда даже успешно, превращать дом в бардак, в общем, именно в такой последовательности тратить присланные отцом деньги на месяц за три дня... и совсем разучился учиться. Когда я внезапно понял, что до выпускных экзаменов осталось две недели, в моей голове гуляли такие сквозняки, каких не было, наверное, у флибустьеров эпохи вольного братства. Пришлось, как говаривал мой отец, применить принцип «чугунной задницы» и засесть за учебники. К моему удивлению и удивлению учителей, экзамены я сдал, и сдал неплохо. Это на всю жизнь приучило меня к эффекту «мозгового штурма», и привило стойкое неприятие басни Крылова «Стрекоза и муравей». Выходит, и классики могут ошибаться. Правда, жизнь быстро доказала, что если у тебя есть ум, это еще не значит, что ты умный. К сожалению, это уже не могло стереть прижившееся впечатление, и на многие годы

определило мой жизненный стиль под девизом трех «великих» русских «А»: «Авось», «Аврал», и «А и хрен с ним!».

Как я уже упоминал, в институт я не поступил. Вместо Москвы я прилетел к отцу во Владивосток – поступать в Дальневосточный государственный университет. Наверное, мне казалось, что перелетев через всю страну, я наполню свою юную жизнь романтикой дальних странствий. Оказалось, что в университете меня не ждали, во всяком случае, им удалось произвести такое впечатление.

В школе на экзамене английского языка я нечаянно получил четыре балла (что у нашей учительницы было равносильно пятерке), а при поступлении на факультет восточных языков экзаменационная комиссия университета непринужденно доказала мне, что английский язык я вообще никогда не учил, и из милосердия поставила мне два балла, а не один, видимо, чтобы не травмировать не окрепшую юношескую психику. И это притом, что в Москве я, вообще-то, должен был поступать в Институт международных отношений, где готовят профессиональных дипломатов. Дааа... вот были бы лица у моих московских родственников! После провалившегося поступления в университет от меня уже окончательно отвернулась вся родня, включая моего отца. В их элитную «конюшню» требовались «породистые рысаки». Что же касается мамы, то она моими делами никогда особенно не интересовалась, предпочитая устраивать собственную жизнь.

Взаимное разочарование отделило меня от моих близких, и я остался один на один со своим будущим. Планируя поступать на следующий год на восточный факультет повторно, я устроился на работу «поближе к кухне» – в комитет комсомола университета. И хотя работал простым статистиком, мог свысока поглядывать на студентов – у меня был свой кабинет. В нём я переключал с места на место бумажки с фотографиями студентов, с оригиналов получал членские взносы на процветание комсомольского руководства и вяло отбивался от таких же вялых попыток университетского чекиста меня завербовать. Волевое лицо этого человека, испещрённое то ли шрамами, то ли оспой, позволяло предположить, что он писал свою чекистскую биографию в окопах тайной войны против империализма, а поскольку перебежать не выпало случая, то теперь дотягивал до пенсии в университете, ведая распределением выпускников восточного факультета в КГБ и разведку – Особый Отдел Штаба Флота. Когда он бывал у меня в кабинете и подолгу сидел, перебирая бумаги, я часто испытывал на тщедушном смазливом юноше, в теле которого я тогда временно находился, долгий пристальный взгляд, из чего и вывел заключение, что он пытается меня завербовать.

Там же, в университете, я познакомился и подружился с Александром – синологом – специалистом по Китаю. Александр учился на последнем курсе китайского отделения восточного факультета. С внешностью ещё не написанного Гарри Поттера, он располагал к себе мягкой, интеллигентной манерой общения, трогательно выглядевшей на фоне отражавшейся в его очках постоянной озадаченности, даже удивления, словно его звездолет разбился, а ему при падении слегка отшибло память, и теперь он недоумевает: что же он тут делает – на Земле, тогда как его ждут на другом конце галактики. Впрочем, к

концу обучения на восточном факультете так выглядели почти все студенты. Встречаясь с ними взглядом, хотелось немедленно подсказать, где тут ближайшая стоянка звездолетов. Позже я найду для себя объяснение этому феномену.

Александр уже много лет брал уроки боевого искусства кун-фу у китайского мастера На Му Фаня. На момент моей встречи с Александром, На Му Фаню, живущему уединенно в тайге под Уссурийском, было восемьдесят три года. Александр и двое его друзей неисповедимыми путями попали к нему в ученики. После некоторых колебаний и ряда проверок на искренность намерений они допустили меня в свой круг и стали щедро делиться знаниями, не подпуская, впрочем, к Учителю. К тому времени я уже пару лет как занимался каратэ, легко переключился на кун-фу, и началось мое приобщение к культуре Востока, в которую я влюбился сразу и на всю жизнь.

Наши занятия не ограничивались силовыми единоборствами, они включали в себя изучение чань-буддизма и эзотерические практики. Движения, которые мы разучивали, были сопряжены со сложной дыхательной техникой, развивающей внутреннюю энергию «ци», а сами движения были наполнены медитацией и... поэзией. Вот несколько названий боевых «танцев», внешне направленных против нескольких противников, внутренне – на развитие энергетических чакр «посвященного»: «танец тумана – танец белоснежного замка, затаенного от первых лучей восходящего солнца», «танец слона – танец белого слона, открывающего врата великого города вечности на рассвете золотого дня», «танец волка – танец зеленого волка, великого стража лесных потаенных троп, ведущих в никуда», «танец рыси – танец оранжевой рыси, покровителя священных трав и говорящих тростников», «танец мыши – сила очарования в глазах воина простоты», танцы дракона и тигра, тайфуна и цунами, огня и ветра, свечения и миража и т. д. Сама линия боевого «танца», как в каллиграфии – написании иероглифов – бывает яростной и нежной, неистовой и спокойной, резкой и плавной, порывистой и обтекаемой. Ритм «танца» через дыхание и физическое движение воздействует на внутреннее движение энергии «ци», которая, как оказалось, не выдумана старыми китайцами, чтобы тыкать в нас иглками, а реально существует, и, если вам повезёт, – проснётся и будет заставлять вас искать способы с ней подружиться.

Пройдет много лет, прежде чем я почувствую, как при вхождении в «танец» мысли и чувства исчезают, мир начинает стремительно вращаться, а место пропавшего тела занимают пульсирующие потоки энергии, рождаемые гармонией выверенных движений и дыхания. Бушующий смерч исполняет завораживающий танец, рисующий в бешеном коловращении все мыслимые геометрические фигуры, словно в калейдоскопе множеством Мальденброта уходящие в бесконечность. «Танец» оканчивается, и мир внезапно останавливается, как замирает завершившая свой путь стрела, с гулким стуком входящая в центр мишени. Пославшая её тетива вибрирует, затихая, – ты вдруг находишь себя в состоянии покоя, и сила, которая только что звенела от напряжения битвы, стекает по твоему позвоночнику и прячется до поры, как прячется любая энергия взрыва. И так происходит до тех пор, пока сложность не поймет, что состоит из простоты, и тогда начинается следующая ступень посвящения и обучения, до которой я так и

не добрался.

В основном, людей устраивает внешняя сторона искусства кун-фу, и европейский человек, как правило, не заходит дальше желания вытеснить из себя страх насилия и научиться ломать голой рукой кирпичи. То, что мы видим по телевизору, имеет мало общего с подлинным путем кун-фу, для посвященного известного как искусство Великого Общения Хоу-ту. Одна из его составных частей – система Тай-цзи (*Великого Предела*), состоит из трехсот шестидесяти «танцев» – «священных монологов посвященного», и на постижение загадки, заложенной в них, может уйти вся жизнь. Такая вот есть у китайцев методика постижения Бога и слияния с Ним.

На волне энтузиазма я стал увлеченно учить китайский язык, продержался недолго, но успел зафиксировать в ощущениях, как написание иероглифов влияет на моё сознание, изменяет его, подчиняя и дисциплинируя по своим таинственным и непонятным правилам. Почувствовав, что «крыша поехала», я испугался. Стало понятно, почему специалисты-востоковеды часто производят впечатление людей «немножко не в себе». Почти недоступное западному менталитету написание иероглифов как искусство – это чистейшая медитация. Любопытно, что самые дорогие картины в мире, это не полотна Ван Гога или Рембрандта, а небольшие куски шелка с одним или несколькими иероглифами, написанными выдающимися мастерами иероглифики. Их стоимость на южно-азиатском рынке искусств может превышать цены на живопись упомянутых западных мастеров в несколько раз и исчисляется сотнями миллионов долларов. Так что, если вам не удаётся поразить воображение окружающих подсолнухами, растущими из чёрного квадрата, попробуйте нарисовать какой-нибудь иероглиф. Может быть, это и не принесёт вам состояние, но непременно утешит.

Итак, подразумевалось, что за год я подтяну английский для поступления в институт, но вышло наоборот: при том веселом и разгульном образе жизни, который практиковало в те годы комсомольское руководство, я позабыл и те два глагола, что знал, а артикль «the» стал читать как «тхе». Год прошел в канцелярской работе под лозунгом «заплыви за батарею и покройся пылью» и увлеченных занятиях кун-фу. А также в ночных рейдах новоиспеченного от комсомола внештатного сотрудника уголовного розыска (в составе банды таких же недорослей) по подвалам и притонам города в поисках антисоциальных элементов и наркоманов, благо вокруг Владивостока – в тайге – полно конопляных полей. До сих пор не прошло удивление от того способа, которым наркоманы собирают «дурь» – конопляную пыльцу для «пластилина», из которого потом делают начинку для наркотических папирос. Можете себе представить: они раздеваются догола и в жаркий солнечный день голышом носятся по коноплянному полю – пыльца с конопли оседает на их телах, и они скатывают её с себя как грязь, прямо как в бане. Если вы сейчас «пыхтите», прошу прощения за подробности...

Через год моего жизнерадостного шефа – председателя комитета комсомола университета – перевели на работу в органы КГБ, чему он, наверное, пару дней был искренне рад, потому как долго этого добивался. Я случайно встретил его через месяц и был поражен произошедшей с ним перемене. Было

впечатление, что его взяли в КГБ отрабатывать на нём методы ведения допросов подследственных. Глаза его потухли, весь он как-то съёжился, в разговоре со мной отводил глаза, и на мой вопрос «ну как там, в органах?» многозначительно промолчал... и я понял, что за любой из вариантов ответа полагаются различные лагерные сроки. Дальнейшей судьбы этого человека я не знаю: он мог стать у них большим начальником, а мог быть расстрелян за опоздание на работу.

С новым руководством я не поладил, вторично поступать в университет не стал по причине созревшего глобального разочарования в социалистическом строе (этим лозунгом тогда прикрывались все лентяи), поэтому комсомол, а заодно и уголовный розыск, я покинул. Нужно было искать новый род занятий и... жилье. Жить у отца и видеть в его глазах постоянный укор моей вселенской несостоятельности, было выше моих созревающих сил. Поэтому, чтобы получить комнату в общежитии, я устроился в женское музыкальное училище выдавать под расписку баяны на занятия. Вопреки моим ожиданиям девушки не видели разницы между мной и баянами. Из училища я ушел через два месяца, когда по ночам вместо девушек мне стали сниться эти самые баяны.

В общежитии я попал в комнату к двум милым, дружелюбным спортсменам-боксерам. Когда я впервые вошел в комнату, которую мне предстояло с ними разделить, то испытал самое яркое впечатление того времени: я снял останки своих стоптанных башмаков советской фабрики «Скороход» и поставил их между импортных, шикарных, умопомрачительно выглядящих ботинок аборигенов этой комнаты. Как будто между стоящих на рейде океанских белоснежных яхт протиснулся в клубах дыма залитый мазутом буксир. Так мне впервые открылось значение слова «роскошь», которое до этого я встречал в книгах, не понимая его. Книжное знание встретилось с жизненными реалиями, порождая представление об устройстве мира в отдельно взятой голове, поражённой тем, как одна и та же вещь может по-разному выглядеть.

Вскоре я обнаружил, что единственная книга, которую мои соседи прочитали в своей жизни самостоятельно, была книга о благородном разбойнике Робин Гуде. Владивосток – город портовый, поэтому они занимались тем, что отбирали у моряков и спекулянтов привозимые контрабандой из-за границы и продаваемые «из-под полы» джинсы, футболки, солнцезащитные очки и прочие недоступные тогда в СССР блага западной цивилизации. Это был прообраз рэкета, позже затопившего всю страну. Жаловаться в милицию потерпевшие не могли, так как сами нарушали закон. Поскольку к тому времени я уже несколько лет как издевался над своим хилым телом, заставляя его изображать то каратэ, то кун-фу (со стороны это выглядело убедительно и впечатляюще), а книгу о Робин Гуде тоже читал и идеи её воспринял, я с восторгом, свойственным экзальтированной и неразборчивой юности, присоединился к своим обаятельным соседям. Так – через баяны – я попал в мир легких денег и романтики «Большой дороги».

Жители Владивостока почтительно называли нас «третьей сменой», мальчишки с придыханием показывали на нас пальцами, мы были постоянными посетителями ресторанов. Тогда же я избавился от

национального комплекса советского человека – от страха перед официантами. Несколько раз у меня были все шансы, не успев стать гурманом, сесть на суровую государственную диету, но судьба меня хранила для другого. Деньги, рестораны и суровая мужская дружба кончились, когда мои соседи – эти симпатичные гоблины – подставили меня и ограбили. И вот, без денег и некоторых иллюзий я возвращаюсь домой в Ленинград.

Ленинград, середина 1980-х.

С возвращением в Ленинград со мной происходит ещё одна метаморфоза. Я впервые осознаю, что нужно учиться. И не только нужно, но и необходимо. И прежде всего для того, чтобы уехать из СССР, этой «коммунистической» страны с её общественно-политической шизофренией; из страны, которую я за несколько лет самостоятельной жизни возненавидел за тотальное лицемерие, всеобщее удушье и кухонную безнадежность. А на Западе – земле обетованной, как тогда казалось, были востребованы эмигранты с образованием. Это потом, с прожитыми годами и опытом, в моем сознании появятся такие понятия, как Родина и патриотизм. А тогда я жил в стране, в которой большевики сделали все, чтобы граждане этой страны, кто люто, кто тихо, её ненавидели. Как сказал писатель Виктор Некрасов, эмигрировав во Францию: «Лучше помереть от тоски по Родине, нежели от злобы на родных просторах». И мой неосознанный протест «не быть как все» принял осознанную форму неприятия коммунистического режима. Произошло это после знакомства с книгами Солженицына и совместного распития спиртных напитков с диссидентами.

Кстати, о книгах. Родители привили мне любовь к чтению, и с четырех лет я уже много и увлеченно читал. На всю жизнь стал «запойным» читателем. Книги – единственное, что совершенно и бескомпромиссно примиряет меня с реальностью и самим собой. Хотя, если точнее, отгораживает от них. Я – наркотически зависимый человек, мое зелье – книги, и в моем фантомном шприце – миллионы кубов чужих фантазий, желаний и судеб.

Одна из непризнанных страстей человека – быть остановленным Словом.

Итак, пускай с ошибочного стимула, но в моем сознании появилось желание учиться и получить образование. (Это потом люди, создающие моё пространство, не раз заставят меня вновь и вновь вспоминать очень жизненный афоризм, гласящий, что «между знаниями и образованием примерно такая же разница, как между нравственностью и знанием уголовного кодекса»). Я опять вспомнил папин принцип «чугунного зада» и на целый год засел за учебники, готовясь к поступлению в какой-нибудь гуманитарный институт. Гуманитарный потому, что природа моего ограниченного ума безусловно гуманитарная – в школе я за десять лет так и «не смог» выучить таблицу умножения. Но вызванный

внезапно к доске на уроке истории или литературы, я, не выучивший урока, в течение длительного процесса поднимания тела из-за парты считывал глазами с учебника нужную информацию, «держал» ее перед глазами, пока отвечал, и получал пятерки. К сожалению, этот фокус «зрительной памяти» не срабатывал с математикой, физикой и химией. Формулы, отпечатываясь на сетчатке глаза, до мозга не доходили. Поэтому моё будущее виделось мне туманно-гуманитарным.

Распорядок дня у меня был следующий: в шесть утра – подъём, пробежка по еще пустынному городу и старинному Таврическому саду, душ, кефир, и около семи часов я садился за письменный стол. Окончательно я его покидал в девять–десять вечера, перед сном. Скажете, что такому шалопаю, как я себя описываю, вы не поверите – откуда вдруг такая усидчивость и прилежание, но я и сам был поражен, когда словно озарением в меня вошло понимание, что мое будущее в моих руках. И я стал учиться так, как Павка Корчагин описывал строительство узкоколейки; как, вероятно, египтяне строили свои пирамиды.

Английский язык, История и Литература. Энтузиазма мне было не занимать, но моё искреннее желание учиться столкнулось с ограниченностью школьной программы. И если с английским языком всё понятно – хочешь знать, будешь знать, то Историю России, оболганную большевиками, я пробовал исследовать по толстым книжкам академиков. Я ещё не знал, что Историю переписывали не только большевики: под себя её основательно подгоняла династия Романовых, а монах Скалигер – отец исторической хронологии, как выяснилось, вообще считать не умел. Похоже, историю перевирать начали ещё охотники за мамонтами. Но до сенсационных публикаций историков Носовского и Фоменко – до истории «потерянного тысячелетия» – было ещё далеко.

Как пример самообмана человечества можно привести «открытие» Трои Шлиманом. Все знают, что Шлиман откопал Трою, и каждый знает, что Шлиман откопал не Трою. Пройдёт сколько-то времени и история эту разницу нивелирует, размочит в своём потоке. И провинциальный по отношению к Трое городок, которому «посчастливилось» попасться на глаза Шлиману, фактически станет Троей.

«Главное, вовремя подвернуться под лопату Шлимана!» – сказал, ухмыляясь, древнегреческий Урюпинск.

А столкнувшись с необходимостью проработать школьный курс классической русской литературы, я открываю для себя не понятого и не привитого в школе Достоевского и с головой ухожу в его уникальное, многомерное, паутинно-кружевное, завораживающее сознание пространство – пространство, в котором, как ни у кого другого, как будто в банке из под краски, рукой гения смешаны краски ада и краски рая. И оказывается эта «банка из-под краски» твоей душой, где уже не разобрать первоначальных цветов... Возникло даже дилетантское желание «положить жизнь на алтарь философии» и написать книгу

о человеке, стоящем на ладони Достоевского.

Почти год я собирал по букинистическим магазинам материалы по Достоевскому – собрал неплохую библиотеку, что-то выписывал и подчеркивал с всевозрастающим чувством собственной значимости (чувством, которое, как мне предстоит понять со временем, даже умного человека делает невыразимо глупым), и, конечно, непрерывно читал самого Достоевского. Вокруг меня закружились имена Бердяева и Флоренского, Розанова и Трубецкого, Ницше и Шопенгауэра... Я даже купил у книжных маклеров редкое собрание сочинений Канта. Принёс домой, с благоговением открыл, прочитал первые три страницы, закрыл с углубившимся уважением к Канту, и, обрекая себя на пожизненное протирание пыли с его корешков, никогда уже больше не открывал.

Мое желание исследовать Достоевского, а точнее – быть ему сопричастным, породило необходимость серьезного знакомства с философией. И если поначалу мне казалось, что «Заката Европы» Шпенглера и пары книг Фрейда будет достаточно, то после того, как вслед Платону и Николаю Кузанскому к экзистенциалистам Сартру и Камю присоединились имена Ясперса и Хайдеггера, я сдался. Я понял, что честному осуществлению моего намерения нужно посвятить большую часть жизни. Я сдался, а в душе навсегда осталось щемящее ощущение памяти нереализованной возможности. Сколько ещё будет в жизни таких нереализованных возможностей, но та – первая – произведёт самое сильное и обидное впечатление собственной несостоятельности.

А когда я читал наших классиков – восхитительного Гоголя, заблудившегося в мистических коридорах гениального абсурда и умудрившегося очень символично после смерти потерять свою голову²; уютного Гончарова с его «Обломовым», в корне изменившего мое отношение к собственному дивану; Толстого – «мучительного в подозрениях там, где у Достоевского прозрение» и чуждого в своём величии экономии бумаги и времени читателя; интеллигентнейшего писателя во враче Чехова, словно не писавшего, а выписывавшего рецепты; и обожаемого за сумрачную магию Леонида Андреева, в рассказах которого понимаешь где-то внутри, душой, что же это такое – «экзистенциализм», – читая, я жалел, жалел, что родился не в то время... Эх, как хотелось мне родиться старорусским крепостным помещиком: портить на сеновале пышногрудых задорных девок, и с ними же мыться в бане; небрежно отсылать пороть на конюшню нерадивых мужиков; ходить в сенокос, грудью вдыхая запах свежескошенного сена; от скуки судиться с соседом-помещиком за вздорный клочок земли; по осени стрелять перелетных гусей и уток; прослыть у окрестных помещиков хлебосольным хозяином и по зиме запивать с ними «горькую», как пили её наши деды и прадеды, а по весне приходить в себя и просыпаться вместе с русской землей... И знать, знать как «Отче наш», что в Петербурге блистают в полку и свете твои сыновья – и если суждено им пасть на поле брани за Отечество, то отцовское сердце наполнится торжественной печалью и

² Когда в 1931 году вскрыли гробницу Гоголя, оказалось, что в ней нет черепа писателя.

гордостью, и уже только сыновьями своими оправдается перед Господом за непутёвую и никчёмную жизнь свою – жизнь старорусского крепостного помещика...

Извините, увлекся... чего только в голову не придёт.

«Главное – суп, всё остальное – литература». Оноре де Бальзак

Итак, я углубился в самообразование, но для поддержания жизни в склонившемся над книгами теле мне банально требовались деньги. Чтобы покупать кефир, булку и книги, я устроился в районном Доме Пионеров убирать классы и этажи, и, по совместительству, – руководителем детского кружка интернациональной переписки. Ни одного письма в дружественную Польшу или Венгрию мы, кажется, так и не отправили, но на занятиях я рассказывал детишкам про летающие тарелки, динозавров и привидения, и они меня обожали. Распахнутые детские глаза примеряли меня с мокрыми половыми тряпками.

Кроме того, я арендовал небольшой зал и открыл собственную школу боевых искусств кун-фу, памятуя восточный принцип «уча других, вы будете учиться сами», ну и нахальства мне было не занимать. Да и умел уже кое-что. Занималось у меня около десяти постоянных учеников. Что также приносило некоторый доход и позволяло основное время уделять учёбе.

Это была пора, когда жизнь открывает перед тобой множество дорог, и ты стоишь, окрыленный возможностями, на перепутье, и ещё не знаешь, даже не догадываешься, что дорога у тебя будет всего одна...

До сих пор у меня в голове не укладывается, как получалось совмещать напряженное обучение и занятия кун-фу с периодическими попойками с друзьями-собутыльниками. Кто только не перебивал в моей квартире, часто после чтения собственных стихов или обсуждения «общих оккультных проблем» оставаясь переночевать, а то и пожить у меня пару дней. А жить было где.

* * *

За два года моих странствий по Дальнему Востоку старинный дом в центре Ленинграда, в котором я вырос и имел комнату в коммунальной квартире, стали расселять для капитального ремонта, и в результате – уже через несколько месяцев после моего возвращения – я жил в отдельной квартире, так как жильцы пяти комнат нашей шестикомнатной квартиры разъехались, получив новое жильё. Я же ни в какую не соглашался переезжать из одной коммуналки в другую. Поменять шило даже не на мыло, а на обмылок. Мне предлагали как несемейному и одинокому комнату в двух-трех комнатной квартире с соседями в новостройках. И через какое-то время я вообще остался единственным жильцом на весь старый шестиэтажный петербургский дом с двумя дворами-колодцами, четырьмя парадными входами и

четырьмя черными. Дольше всех еще держался алкоголик Сеня с первого этажа, но и он вскоре исчез, видимо, соблазненный поллитрой. Про меня, после моих отказов, кажется, совсем забыли, и жил я так один в доме почти целый год, пока дом не стали отключать от газа и электричества и меня не вынудили переехать в комнату в новостройках (уже не имеющих отношения не только к Петербургу, но и к Ленинграду – это уже какая-то третья ипостась города, прорастающая уродливой архитектурой в душах живущих в ней людей, словно забором отделяя их от подлинной истории, которая только в душах и пишется).

И только написав эти строки, я вдруг вспомнил, что появление Люцифера в моей квартире произошло именно тогда, когда я жил один в этом пустом старом доме по улице Тверской. И числился этот дом под номером тринадцать. Что придает событию какой-то дополнительный мистический оттенок. Хотя какие тут могут быть оттенки, если сам Люцифер явился. И не важно, живут в этом доме или не живут. Понимаю, как-то по театральному получается. Но ведь было, можете не сомневаться. Дом до сих пор стоит на Тверской, перестроенный.

Справедливости ради, надо упомянуть, что человек я был абсолютно неверующий, крещён не был – типичное дитя коммунистической эпохи всеобщего безбожия, чем, вероятно, и объясняется мое легкомысленное отношение к визиту самого Князя Тьмы. Правда, до этого были в моей атеистической жизни непонятные моменты, которые меня настораживали и даже иногда мешали радоваться наступающему дню. Это я говорю о снах. Точнее, об одном и том же сне, повторяющемся раз в два-три месяца. Честно говоря, рассказывать о нём не хочется. И, что странно, после посещения Люцифера эти сны прекратились. Вот пишу эти строки и думаю, а может, эти сны предвещали появление Князя Тьмы на сцене моей жизни? Так сказать, увертюра...

Вот этот сон, всегда очень короткий: раздаётся звонок в дверь в этой самой квартире, где я вырос и жил на момент описываемых событий. Иду открывать дверь, ощущение полной реальности, всё знакомо, вот она дверь, со всеми ее запорами, звонками, царапинами и выбоинами, сотни раз перекрашенная, помнящая всех жильцов своей огромной шестикомнатной квартиры, и, когда я подхожу открывать её, на меня вдруг накатывает волна страшного знания: там, за моей спиной, в нескольких метрах, на общей коммунальной кухне, на газовой плите варится в оцинкованном корыте шестимесячный младенец. И поэтому дверь открывать нельзя... но руки сами тянутся к засову – я открываю... медленно, медленно, мне страшно... и тут из-за приоткрывающейся створки двери меня накрывает уже ледяная волна цепенящего ужаса: я откуда-то знаю, что за дверью стоит мерзкого вида убийца, который вот сейчас, через мгновение вонзит мне в грудь нож... В этом месте я всегда просыпался, выпадал из черноты сна, и ужас ещё некоторое время цеплялся за меня ключьями чёрного тумана... Комментировать не буду.

После посещения Люцифера я узнал, что дьявол есть. То есть, я не то чтобы поверил в него, я просто убедился в его существовании. Даже появилось желание нарисовать его, хотя рисовать я абсолютно не

умею. И ведь получилось. Карандашом – черно-белый рисунок. Он удивительно напоминал булгаковского Воланда – «мой» Воланд получился во фраке, на фоне московских высоток, правда, лишённый приданного ему Булгаковым обаяния. И это тоже не совпадение. Это еще один кусочек Мозаики – с романом Булгакова «Мастер и Маргарита» у меня сложатся особые отношения. Рисунок этот я «на всякий случай» засунул в глубь архива, под самый потолок накопившихся бумаг, ещё не догадываясь, какую *силу* может нести такая «икона». Раз в несколько лет рисунок попадался мне на глаза, порвать его не поднимались руки – это было единственное, что я нарисовал в своей жизни. И только когда мистические испарения моей Мозаики начнут пропитывать материю, в которую с рождения было завернуто пишущее эти строки существо, уплотняя её страхом и проявляя на ней изображение, далекое от задуманной Богом идиллии, рисунок будет порван на клочки и спущен в унитаз.

Зная наперёд, сколь многого можно было бы избежать простым нажатием ручки. Мы часто не догадываемся, что унитаз гораздо нужнее, чем рог изобилия.

Убедившись в существовании дьявола, я, тем не менее, продолжал оставаться атеистом. Нет, я догадывался, что раз так много о Боге говорят и пишут, то вполне вероятно, «что-то там, где-то там, возможно и есть». Но вот потребности в Боге у меня не было. Как так может быть после встречи с дьяволом, спросите вы, и я честно отвечу: не знаю. Могу только предположить, что способность засовывать при опасности голову в песок свойственна не только страусу, но и отдельным представителям вида *homo sapiens*.

Вместе с тем, это был период увлечения теософической литературой и откровениями мистиков. Блаватская, Гурджиев, Бхагаван шри Раджнеш, мистические практики даосизма, чань-буддизма и суфизма. Тогда это была запрещенная литература, «доставаемая из-под полы». Если везло, то это был читаемый второй или третий экземпляр из-под копирки печатной машинки, а не седьмой, на котором приходилось почти угадывать буквы. Все это перемешивалось в моей голове интеллектуальной мастурбацией, оргазмируя ложными ощущениями постижения сокровенных тайн Вселенной.

Помню, как сильно меня напрягла одна прозвучавшая где-то легенда, поначалу, не задержавшись, прокатившаяся по сознанию фантомом. Но потом я почувствовал, что она во мне зацепилась, и фантом стал обрывать плоть вероятности. Легенда гласила о том, что только пятнадцать процентов из живущих на Земле людей обладают душой, продолжающей жить после смерти человека. Остальные восемьдесят пять процентов – фон, материал для самореализации настоящих пятнадцати процентов человечества, катализаторы для алхимических превращений в душах подлинных людей. И я припомнил слова знаменитого мистика Гурджиева: «Душа – это цель всех религий, всех школ. Это только цель, возможность – это не факт». Помню, что задался вопросом: если реинкарнация – переселение душ – существует, и души людей находятся в некоем круговороте, а человечество увеличивается «в арифметической прогрессии», то откуда появляются новые души? И появляются ли? Или легенда права?

Вот пример, как необычная, эпатирующая мысль, книжный авторитет мистика и математика,

посягающая на божественный промысел, могут создать взрывоопасный коктейль глупости, мастурбирующей в самой себе. Вероятно, так и возникают секты.

Примерно таким методом подборки я строил в собственном сознании различные концепции и выбирал из них те, которые казались мне наиболее «правильными» и уютными для меня – «постигающего истину».

Мне повезло, что я никогда не относился серьезно к своим интеллектуальным играм. Позже одной из моих любимых фраз, которым суждено сопровождать меня по жизни, станет призыв папы Иоанна XXIII: «Никогда не принимайте себя всерьез!».

* * *

Забегая вперед, сообщаю, что дальнейшее повествование сопровождается картинами моего близкого друга, уже открывшего Двери посмертия, – русского художника Николая Владимировича Юдина. На протяжении своей жизни он создал цикл-мистерию картин «Арканы Таро» – часть из них и некоторые другие его полотна поддерживают мою историю.

АРКАНЫ ТАРО

Арканы Таро – древнее знание, уходящее в глубь веков и сохранившееся в виде Древней Традиции. Через искусство в образно-символической форме Арканы передают квинтэссенцию знаний и представлений древних цивилизаций о жизненном пути человека. Таро, начиная с XVI века, стало утилитарно использоваться человеком в качестве карт для гадания. Но многие выдающиеся умы открывали для себя в Таро неисчерпаемый источник мудрости и считали, что Таро принадлежат «сфере божественных вопросов философии». Для того, чтобы проникнуть в глубинный уровень заключенной в Арканах информации, нужен труд равноценный труду проживаемой жизни, но жить необходимо осознанно, чем далеко не каждый из нас может похвастаться.

«Ключ к символам Таро кроется не столько в «тайных знаниях», намеренно культивируемых оккультистами, сколько в глубине человеческой души. Это – знание вещей, таинственных по своей природе, потому что они не лежат на поверхности, а существуют на невидимом плане, «на обратной стороне» реальности. И в центре этого знания всегда стоит вопрос о жизненном пути человека и о смысле смерти.

Арканы Таро дают нам урок, по своей значимости и масштабам далеко превосходящий всё то, что мы могли бы узнать от них при простом гадании. Это этапы жизненного пути с поразительно ясными жизненными ориентирами» – интересно, хотя и несколько односторонне рассказывает об Арканах Хайо

Банцхаф в книге «Таро или путешествие героя».

У каждого из Арканов глубокое содержание, увязанное с объяснением всего того, что составляет человеческую жизнь и природу человека. И в каждом Аркане Таро – ключ к разгадке той или иной тайны своей собственной судьбы. Символика Таро связана с идеей порога, двери, через которую могут пройти далеко не все, а только те, кто обладает определенным набором знаний и опыта, позволяющих открыть замок и пройти в неизвестное. Двадцать два Аркана, используя сложный метафорический язык для выражения глубинных метафизических концепций, содержат в себе опыт всей человеческой жизни.

* * *

(!) Церковь и духовный опыт человечества предупреждают: прибегающий к гаданию выходит из-под защиты Господа и вступает в область оккультизма – область тёмную и недружелюбную человеку. Человек, заблуждаясь, полагает, что использует оккультное. На самом деле оккультное использует человека... – «Коготок завяз – всей птичке пропасть!».

ГЛУПЕЦ

«Повесть о путешествии героя – самая старая из всех сказок на свете. Это рассказ о знаниях, приобретаемых душой по мере её развития. Эта старая-старая сказка напоминает нам, зачем мы пришли

на Землю и что должны здесь совершить.

Путешествуя по рисункам Арканов Таро, человек должен осознать свою индивидуальность и развить её, чтобы достичь самореализации и в конечном итоге обрести целостность». (Х. Банцхаф «Таро или путешествие героя»).

Глупец – не нумерованный Аркан, символизирующий несведущего, невинного, только вступающего на жизненный путь человека. Другие названия – дурак, шут, скоморох. Глупец открыт для всякого рода знаний, он символизирует чистоту и неиспорченность личности. «Жрец величав и строг. Он ключ от тайн, творящихся на свете. А шут – раскрыт и прост. Как луч, животворящий тайны эти» (И. Губерман).

Глупец изображендвигающимся на север – в направлении неизведанного. Утреннее солнце, светящее ему в спину, символизирует молодость. За плечами у него жезл – знак воли, к нему привязан узелок – знак опыта и памяти. Знак орла указывает на возвышенность намерений. Глупца сопровождает собака – символ природных инстинктов, помогающих человеку и защищающих его на трудном пути. Чудовище в пропасти – подстерегающие на пути опасности. Горный пейзаж обнаруживает вершины разума и духа, к которым путник должен стремиться и олицетворяет высоты, которые ему предстоит покорить на своем пути.

* * *

Дурака во мне ещё можно чему-нибудь научить, умного – нет.

* * *

В те времена со мной произошла ещё одна забавная история, напрямую связанная с той кашей, которая варилась у меня в голове. Ко мне в Ленинград неожиданно прилетел Александр, специалист по Китаю и мастер кун-фу, мой гуру, духовный наставник, поставивший меня на путь постижения «сокровенных тайн» Востока. К моменту нашего знакомства во Владивостоке, я – восемнадцатилетний – не читал иной литературы кроме Фенимора Купера, Джека Лондона и Дюма. А в голове у меня тогда (в эпоху всеобщего и тотального дефицита, являвшимся таким мерилем качества жизни, какое сегодня и не снилось) существовали две проблемы: первая – где достать фирменные джинсы, и вторая – чтобы они были нужного размера. Правда, ещё существовала третья: где достать фирменные кроссовки, но она казалась мало осуществимой, поэтому не рассматривалась. Теперь же, в аскетической обстановке комнаты, заваленной книгами, в «пещере отшельника» в виде пустого шестиэтажного дома, Александр увидел человека, который писал исследование по Достоевскому, небрежно цитировал суфиев и мистика Николая Кузанского, и совсем его сразило увиденное им собрание сочинений Канта. Надо сказать, что к

тому времени я научился, ассоциативно жонглируя памятью, доставать из головы – к месту и вовремя – притчи, цитаты и афоризмы, иногда комбинируя их так удачно, что даже мне они порой казались моими собственными. Настолько Александра поразили контраст увиденных двух состояний одного человека, что решив, будто я каким-то непостижимым образом «по случаю отхватил» самадхи – просветление, он объявил меня «учеником, превзошедшим своего учителя». С легкой руки Александра обо мне пошел «звон» в определенных кругах как о новоявленном гуру, у которого есть чему поучиться, несмотря на его молодость. Был тогда в СССР среди «ищущих духовную истину» лозунг «Мистики всех стран, объединяйтесь!», и люди этой когорты активно обменивались информацией. И ко мне стали приезжать из других городов. Это потом, на волнах перестройки как цунами появятся бесчисленные гуру, «мессии» и лжепророки, чьи интересы будут лежать исключительно в финансовой сфере, что бы там не декларировалось. А тогда – на фоне информационного голода – российская интеллигенция искала духовные пути самосовершенствования и в основной массе не помышляла о том, чтобы на этом зарабатывать. Я искренне развлекался этими встречами, наполненными «эзотерическими» беседами, «тайными прозрениями» и «откровениями», но несколько отстраненно наблюдал за происходящим, трезво отдавая себе отчет в своих актерских талантах «продвинутого гуру», да и тщеславие никогда не было моею сильной стороной. Длилась эта ситуация недолго, заиграться я не успел, поскольку последующее течение событий пресекло ко мне интерес как сподвижнику и потенциальному наставнику. – Мои поиски Истины закончились. Для этих же людей путь к Истине был гораздо важнее и значил гораздо больше чем сама Истина. А произошло следующее...

II

Несмотря на все рассказанное, в общем и частности, жил я тогда безалаберным шалопаем – и до появления Люцифера и после – пока однажды утром раннего лета не отправился на городской пляж на берегу реки Невы, на которой, собственно, и расположен Санкт-Петербург. Таблички «Шалопаем вход на пляж запрещен» не было, и я расположился на песке, где со мной произошло событие, изменившее всю мою жизнь. Купаться было рано, вода в Неве нагревается только к концу лета, поэтому я расстелил плед и улёгся загорать. Научившись медитациями в кун-фу добиваться отрешённого состояния сознания, я разогнал самые шумные мысли и почти бездумно лежал, впитывая задержавшееся в весне, ещё не жаркое солнышко. И тут, просто, без затей, без грома и молний, меня посетил Господь Бог. Вы ухмыльнётесь, я же скажу, что на то Он и Бог, чтобы не соблюдать условности. Под закрытыми веками вдруг вспыхнул необыкновенный голубой свет. Сияние голубого цвета невероятной, изумительной чистоты затопило мое сознание, наполнило все моё существо. Самое удивительное ощущение – одухотворенная, душевная теплота, которую нёс этот свет. Он излучал доверие и нежность. Не было

никаких сомнений, что свет пришёл именно ко мне. Он обнял меня, как соскучившийся отец обнимает своего ребёнка. С любовью и нежностью Он высветил вдруг во мне глубины, о которых я и не подозревал. И я узнал Его. Я узнал Бога. Я поверил сразу – на всю жизнь, как позже для себя сформулирую: «как любая бабушка в церкви». Мысленно я произнес: «Благодарю Тебя, Господи! Верую в Тебя!». И как был, лёжа, с закрытыми глазами, впервые в жизни перекрестился, как сумел. Растаяв, свет покинул меня, но во мне появились надежда и вера, что он вернется, что когда-нибудь я увижу его вновь.

Домой я возвращался другим человеком. В моей жизни появился смысл. Я его видел, я его ощущал. И теперь его следовало найти. Я уже твердо знал, кем хочу стать. Я хотел стать священником. И я решил стать священником.

Ну что же, как известно: «Благими намерениями вымощена дорога в ад»...

* * *

Напомню, что в те годы в СССР церковь в государстве существовала, но была невидима, то есть, вроде она есть, а вроде её и нет. И начал я свой поиск Бога через поиск духовной семинарии, где учат на священника.

Тогда я еще не знал, что искать Бога не надо. Бог всегда ждет тебя на одном и том же месте – том самом месте, где ты сейчас находишься...

На следующий день я стоял у дверей Ленинградской духовной семинарии и академии. Нужно заметить, что в юности я умел располагать к себе людей за счет того юношеского нахальства, когда ты уверен, что все должны тебя любить, и умеешь заразить этим энтузиазмом окружающих. Этой своей способностью я беззастенчиво пользовался всю жизнь. Только вот сила её иссякала по мере того, как мне открывалась правда о том, что любить меня, в сущности, не за что, а иногда даже и вредно...

В фойе семинарии, потратив несколько минут на ознакомление с правилами набора студентов, я с завистью рассматривал молодых людей в длинных черных рясах, проходивших в самую семинарию – куда мне вход был закрыт. «Пока» – мысленно загрузил я в себя любимую установку и внезапно обнаружил рядом с собой симпатичного молодого человека с длинными волосами, лучистыми глазами и одетым в одну из таких черных ряс, которые я с вожделием рассматривал как атрибуты небожителей. Для меня почти всегда большие происшествия и события начинаются с ничего не значащих мелочей, вот как, к примеру, эти рясы (потом я узнал: правильно их называть – подрясники). Молодой человек первым заговорил со мной, и, забегаая вперед, скажу, что он принял живейшее участие в моей дальнейшей судьбе, уже примеривающей на себя чёрный подрясник семинариста. Звали его Михаил Царьков, учился он на втором курсе семинарии, и через полчаса мы стали добрыми приятелями. Мы гуляли по парку

Алекسانдро-Невской лавры, где расположена семинария, разговаривали о вере, и, узнав, что я не крещен, Миша предложил свою помощь: у него есть знакомый архимандрит в одной из церквей и, если я согласен, то в ближайшее воскресенье меня можно будет окрестить. Я с радостью согласился и, не буду вас утомлять подробностями, вскоре был крещен в лоне нашей Святой Православной Церкви. Михаил стал моим крестным отцом. Ничего особенного, когда меня крестили, я не почувствовал – так, некоторое волнение от торжественности момента. Мы с Мишей тепло попрощались, договорившись о новой встрече, и я, не догадываясь, что делаю первые шаги в новой жизни, отправился в тот воскресный день в гости на дачу к своему хорошему приятелю, знакомому по общим занятиям спортом.

На дачу приятеля я ехал впервые, договоренности о встрече не было, и я отправился на «авось», без приглашения. Да-да, я ещё застал те времена, когда русские люди ходили друг к другу в гости без приглашения, вваливаясь поближе к ночи с бутылкой водки и радостным воплем «А вот и мы!..» А ведь и вправду было весело... Сейчас уже этого нет – в нашу жизнь вошли европейские правила этикета, и, кажется, из жизни ушла частичка её радости, и не самая худшая, если к радости можно применить этот эпитет. Но я отвлекся.

На дачу я приехал, но дома была только жена моего приятеля. Она сообщила, что хозяин вот-вот должен вернуться и предложила мне подождать на веранде. Я сел в кресло у большого круглого стола, накрытого скатертью до самого пола, и стал ждать. Дверь на веранду была приоткрыта, но внезапно она распахнулась, и неожиданно для меня через неё протиснулся огромный лохматый пёс зверской наружности. Не дав мне времени испугаться, он направился прямо ко мне и, махнув головой с хорошей арбуз, ткнулся носом в колени, приглашая почесать за ушами. Что я с удовольствием и проделал, припомнив слова одного американского писателя: «Когда я вижу огромную, мохнатую и ласковую собаку, она производит на меня впечатление ангела, окутанного облаком. Она страстно желает быть хорошей»³. Получив от меня желаемое, этот «ангел», чуть не снеся меня с веранды вместе с креслом дружеским толчком, забрался под стол и занялся любимым собачьим делом – задремал. Скатерть его полностью скрыла. Через пару минут на веранду вбежала запыхавшаяся жена приятеля и сообщила: что она закрывает дверь, чтобы я «ни в коем случае не выходил из дома», потому что «она забыла, что у них с цепи спущен злой пёс», что «он кроме хозяина никого не признает», «чужих вообще на дух не выносит», «перекусал уже уйму народа», что «я сама его боюсь – хожу по стеночке», «и вообще, на цепи ему самое место». «Вы не про эту собачку говорите?» – спросил я, приподнимая край скатерти. Последовавшая немая сцена могла быть достойна кисти Гоголя. Приехавший хозяин был изумлен не меньше жены, когда я бесцеремонно трепал пса за уши, демонстрируя «чудеса дрессировки».

Во время моего крещения священник сказал, что актом крещения с человека волею и милостью Господа смываются все наши предыдущие грехи и человек вступает в новую жизнь – жизнь христианина

³ Уильям Джемс.

– с чистого листа. Позже я прочитаю, что к святым отшельникам, праведной жизнью обретшим чистоту души, из леса выходили и принимали из рук пищу не только олени, но и волки и медведи. Птицы лесные слетались к ним на ладони за крошками. Вот и я получил необычное лохматое подтверждение акту своего крещения.

* * *

Эстония, середина 1980-х.

При следующей встрече мой новый друг и крестный семинарист Михаил Царьков предложил мне поехать с ним от семинарии поработать в женский православный Свято-Успенский монастырь, расположенный на территории Эстонии (тогда – республики СССР) в поселке Куремяэ (или Пюхтицы). Я и не предполагал, что такое возможно, но Михаил обещал замолвить за меня словечко как за будущего семинариста и добавил, что за работу еще и хорошо заплатят. Летом работа заключалась в заготовке сена для скотного двора монастыря, а зимой на рождественских каникулах семинаристы ездили в монастырь на заготовку дров. Уговаривать меня не пришлось, и очень скоро я вместе с семинаристами пересаживался